

Глоток свободы

ИТАК, СВОБОДА? ДА, НА баррикадах: где же ей быть ещё? Только прошлое притягательно, однако в умеренных дозах, а настоящее – вот оно: беззащитная нагота убитого и вызывающая нагота той, которую не пощадят; потные приклады ружей и лоснящиеся рукоятки пистолетов, измя-

тый кивер и рваные носки, небо и дым. "Свобода на баррикадах. 28 июля 1830 года" – Париж, Эжен Делакруа. Ах, как любили это полотно в нашей прежней стране – почти так же самозабвенно, как любили безмятежное шишкинское "Утро в сосновом лесу", разве что на конфетные обёртки не помещали. В этом нет ничего странного: воспоминания о романтическом порыве одних, который привёл к власти других, последним тоже согревают душу, к чему-то там приобщая; слово "свобода" обыденного смысла не имеет, и если косноязычный поэт твердит, преодолевая заумь: "Свобода приходит нагая" – вырвем и эту строчку из текста или контекста, водрузив её на пропагандистскую телегу. Эжен Делакруа – даром, что француз, а понял: за свободу уже заплачено, проходите.

Эжен Делакруа, выставивший "Свободу на баррикадах" в Салоне 1831 года, получил за неё славу и награду – ленточку Почётного легиона в петлицу; критики уверяли, что художник пишет "пьяной метлой", да что с них возьмёшь? Делакруа сделал вовсе не то, что от него ожидали: не впал в самодовольный восторг от официального успеха, не стал во главе романтической живописи, хотя эту роль на него настойчиво примеряли, – и если честно признаться, он вообще не любил повседневное течение жизни, предпочитая сюжеты из области литературы, в которой жизнь была уже преображена вдохновением. Впрочем, литература в живописи похожа на литературу не больше, чем литература в театре: слово изображённое и слово прозвучавшее – это уже *другие слова*. 33-летний художник уезжает на Восток, однако и там обнаруживает не иную обыденную жизнь, а чудесным образом сохранившихся героев мифологического прошлого. "Резня на Хиосе", написанная им в молодости, выдавала способность художника к состраданию, но, по мнению автора, свидетельствовала о силе его воображения, которое позволяет видеть то, чего не видят другие.

Возможно, по этой причине Делакруа пренебрегал рисунком, но по чувству цвета и света в живописи того времени ему не было равных.

ПОЛВЕКА СПУСТЯ НЕОИМПРЕССИОНИСТЫ, ИЩА достойного предтечу, найдут его в Эжене Делакруа и припишут художнику куда больше достоинств, чем было у него на самом деле. Он ценил *свою свободу* и предпочитал затворничество, совсем не умея и не желая уметь сражаться за свободу других; он просто работал – и всё. Более всего он ценил чувство свободы в необузданных лошадях, гордых тиграх и неукротимых львах.

Делакруа написал около тысячи картин, полторы тысячи акварелей, без усталости работал над гигантскими декоративными росписями для Тронного зала Палаты депутатов, библиотеки Палаты депутатов, церкви Сан-Дени. Незадолго до смерти художник занёс в дневник, который вёл лет сорок, последнюю запись: "Я не хочу сказать, что смысл картины является в ней чем-то излишним. У многих неверный или косный взгляд, они видят предметы в буквальном смысле слова, но не улавливают в них самого существенного".

Что ж, вернёмся на баррикады и взглядимся опять в самую знаменитую картину Эжена Делакруа. Силой вашего воображения заставьте прийти застывшие фигуры в движение. Тот, кто немного сзади, с саблей в правой руке, и студент рядом с ним, мгновение спустя будут убиты; парижский гамен с двумя пистолетами застынет ещё лет на тридцать, отгадет в романе Виктора Юго "Отверженные" под именем Гавроша и героически погибнет. А женщина, вдохновляющая героев и организующая всю картину? Разве вы не знаете, что происходит с молодыми женщинами, которые попадают в руки опьянённых кровью победителей?

Свобода приходит нагая. А уходит – изнасилованная.

Юрий Калешук

P.S. Репродукцию картины Эжена Делакруа "Свобода на баррикадах" см. на стр. 23 этого номера "Алфавита".